

Нодар Думбадзе

Я, БАБУШКА,
ИЛИКО
И ИЛЛАРИОН

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

УДК 821.353.1
ББК 84(5Гру)-44
Д 82

ნოდარ დუმბაძე
მე, ბებია, ილიკო და ილარიონი

Перевод с грузинского
Зураба Ахвледiani и Камиллы Мариам Коринтэли

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Валерия Гореликова

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

ISBN 978-5-389-24343-9

© Н. Думбадзе (наследник), 2023
© З. Ахвледiani (наследник), перевод, 2023
© К. М. Коринтэли, перевод, 1987, 2023
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2023
Издательство Инostrанка®

**Я, БАБУШКА, ИЛИКО
И ИЛЛАРИОН**

БАБУШКА

Справа от моего села протекает река Губазоули, слева — небольшая речушка Лаше, кишащая крабами, бычками и босоногими мальчишками. Через Губазоули перекинут мостик. Каждой весной взбушевавшаяся река уносит его, оставляя только торчащие из воды черные сваи.

И все же мое село самое красивое и веселое в Гурии¹. Я люблю его больше всех сел на свете, потому что нигде не может быть другого села, где жили бы я, бабушка, Илико, Илларион и моя собака Мурада...

Моя бабушка — мудрая женщина. Она постоянно твердит мне:
— Учись, негодяй, учись, а то неучем останешься!

О науке у бабушки своеобразное представление. Однажды, когда я сидел на балконе и во весь голос твердил наизусть правила из грузинской грамматики, бабушка спросила:

— Что это ты там зубришь, сынок?

— Лицо глагола, бабушка!

— Что? Где это слыхано — лицо у глагола! Лицо может быть только у человека!

— Это другое лицо, бабушка, совсем не то, что ты думаешь.

— Лицо на свете одно. И все.

— Ладно, — сказал я и захлопнул книгу, — отвечай тогда, что такое лицо.

— Лицо — это... лицо!

— Садись, бабушка. Урока не знаешь, ставлю двойку.

— Я тебе покажу двойку, прохвост! Сию же секунду иди и привяжи козу, не то так взгрею — своих не узнаешь!

— Хорошо, еще один вопрос задам и пойду. Сколько существует лиц?

---

¹ *Гурия* — область в Западной Грузии. — *Здесь и далее примеч. ред.*

— Лиц столько, сколько людей на свете. Но лицо дано не для того, чтобы такие гримасы строить, болван! У одних лицо худое, у других — круглое и толстое, у третьих — вообще не разберешь какое, размазня одна. А еще бывают лицемерные и двуличные люди.

— Жулики тоже бывают, — сказал я.

— Правильно! Например, наш почтальон. Сдирает с конвертов марки, а потом говорит — без марки, мол, было, давай рубль.

— А я какой, бабушка?

— Ты? Ты прохвост, шалопай, бездельник, плут, пройдоха и нехристь к тому же!

Нет во всей Гурии женщины, которая могла бы проклинать лучше, чем моя бабушка. Но мне не страшны ее проклятия — однажды бабушка обмолвилась: «Уста мои проклинают, а сердце благословляет тебя...»

Надо сказать, моя бабушка весьма отрицательно относится к бездушному решению Наркомпроса¹, которое обязывает учащихся ежедневно высиживать в школе полные шесть уроков. Хотя лично я никогда не давал ей повода для этого. Свой учебный день я, как правило, еле дотягиваю до четвертого урока. Потом уже теряю всякое представление о времени и пространстве и голосом, несколько громче обычного, спрашиваю соседа по парте:

— Ромули, дорогой мой, что это так долго не звонят? Звонок пропал или сторож?

Ромули скалит зубы, а учитель, указывая на меня пальцем (я показательный ученик!), ласково процеживает:

— Сейчас же встань и убирайся вон! И пока не приведешь родных, чтобы духу твоего здесь не было!

Я не спрашиваю «почему?», так как знаю, что после такой дискуссии в ход обычно пускаются мел и линейка. Я молча беру сумку и фуражку и направляюсь к двери.

— До свидания! — говорю я Ромули.

— До скорой встречи! — говорит он мне и машет рукой.

На второй день я веду в школу бабушку, затем бабушка ведет меня домой, потом опять я веду бабушку в школу, и снова бабушка отводит меня домой и так далее. Можно смело сказать, что десятилетку я и бабушка заканчивали вместе. По-моему, это единственный случай в истории человечества.

---

¹ Наркомпрос — Народный комиссариат просвещения.

Я обыкновенный деревенский мальчик. У меня в сумке всегда фрукты, рогатка и пугач. До первых заморозков хожу в школу босиком. У меня всего одни залатанные штаны и по две переэкзаменовки каждый год. Из-за моей собаки Мурады, которая всегда бежит за мной хвостом, в деревне меня называют собачником, в школе — плутом и лентяем, а бабушка раз и навсегда окрестила прохвостом. Настоящее же мое имя — Зурико.

Когда бабушка сердита на меня, я ночую в давяльне; как помиримся — я снова перебираюсь в комнату. Днем бабушка, призывая на мою грешную голову грома небесные, гоняется за мной с хвостостиной в руке. Ночью она моет мне ноги и, дождавшись, когда я усну, тихо целует...

Как я веду себя в школе? На этот счет существует официальный документ — «Протокол заседания педсовета». Выглядит этот документ примерно так:

«Протокол заседания педагогического совета Н-ской средней школы от 18 марта 1940 года.

Присутствовали: все преподаватели.

Слушали: сообщение руководителя шестого класса о поведении ученика того же класса Зураба Вашаломидзе.

Высказались:

Преподаватель физики: „В природе не существует энергии, которая могла бы расшевелить Вашаломидзе. Мальчик этот — погруженное в жидкость тело, на которое не действует никакая выталкивающая сила!“

Преподаватель математики: „Для меня Вашаломидзе — уравнение со ста неизвестными. Решить такое уравнение я не в силах“.

Преподаватель химии: „Никакой реакции! Сидит и выматывает мне нервы. Это какой-то необычный лакмус: он никогда не краснеет!“

Преподаватель русского языка: „По-моему, он просто идиот“.

Преподаватель географии: „Познания Вашаломидзе весьма не рельефны. Мальчик или аномальный, или истощенный“.

Преподаватель истории: „Это скорее человек каменного века, чем цивилизованный представитель двадцатого столетия. Невозможно зафиксировать момент нахождения Вашаломидзе в состоянии покоя на уроке. Никакого прогресса. Вашаломидзе — позор для всего класса“.

Школьный сторож: „Да что вы пристали к бедному ребенку? Если уж он такой дурак, как же вы его переводите из класса в класс?“

Завуч: „Тебя не спрашивают! Твое дело — приходить вовремя и звонить!“

Преподаватель грузинского языка (мой близкий родственник): „Я вас не понимаю! Можно подумать, что на этом Вашаломидзе свет клином сошелся! Да кто у вас в классе лучше его? Может, директорский сынок? Круглый пятерочник, а такого идиота я в жизни не встречал! Сидит на уроках, точно сын в дупле“.

Преподаватель физкультуры: „А почему ты ставишь ему пятерки?“

Преподаватель грузинского языка: „Попробуй не поставь!“

Завуч: „Замолчите!.. А ты что скажешь, Вашаломидзе?“

Вашаломидзе: „Учитель грузинского языка прав“.

Завуч: „Истукан! Не об этом спрашиваю! Что ты скажешь о себе?“

Вашаломидзе: „О себе? На этот раз простите, а в дальнейшем я исправлюсь!“»

Наслушавшись подобных отзывов о собственной персоне, я усомнился было в своей нормальности и здоровье, но счастливый случай рассеял мои подозрения.

Пришлось мне как-то целую неделю не ходить в школу — мотыжил кукурузу. А чтобы за пропуски занятий не исключили из школы, требовалась справка о болезни. В те времена в нашей деревне таких справок здоровым людям, к сожалению, не выдавали. Поэтому пришлось уложить меня на один час в постель и вызвать врача.

С утра меня морили голодом, чтобы придать моему лицу болезненную бледность, стянули голову полотенцем, и бабушка отправилась за врачом. Через полчаса врач осадил своего коня в нашем дворе.

— Что с тобой, парень? — спросил врач, присаживаясь ко мне на кровать.

— Умираю... — простонал я.

— Хорошо... А все же, что у тебя болит?

Признаться, такого вопроса я не ожидал и поэтому в испуге взглянул на бабушку.

— Все болит, — сказала бабушка.

— Волосы болят?

— Болят, — простонал я.

В это время в комнату вошли соседи — Илико и Илларион. Они знали о моей «болезни» и тут же вступили в разговор.

— Что-то в последнее время стал я замечать, ослабел наш мальчик, — сказал Илларион.

— Точнее...

— Точнее? Аппетит у него пропал. Прошлый раз насилу заставил мальчика съесть три тарелки лобио¹ и один мчади². И ни куска больше!

— Да ну? — удивился врач.

— Тобой клянусь!.. Раньше, бывало, он съедал еще головку сыра, а в тот день как заупрямится — «не хочу да не хочу!». Дома, говорит, уже обедал.

— Это правда? — спросил меня врач.

— Правда, доктор. Как увижу лобио, сразу тошнить начинает.

— М-да... А как насчет жареного цыпленка с чесночной подливкой, или молодого сулгуни³ с мятой, или целиком отварной курочки с эстрагоном, или, друг ты мой любезный, может быть, лучше рубец с острой приправой, или, скажем, усач и форель в ореховом соусе? Что скажешь?

— С ума сведет ребенка этот болван, — пробормотала бабушка.

Илико не выдержал такого меню и, закашлявшись, выскочил на балкон. Илларион выдержал испытание и стал разглядывать фотографии в альбоме.

— Что еще болит у него? — спросил с улыбкой врач. Потом снял с моей головы полотенце и заботливо утер мне слюни.

— Еще... чихает! — ответил Илларион.

— А моча у него какая?

Тут и Илларион не нашелся, что ответить.

— Какая у него моча, Илико? — обратился он к вернувшемуся в комнату Илико.

— Моча? — не растерялся тот. — В последнее время, прямо скажу, не нравится мне его моча.

— А раньше была хорошая?

— Изумительная!

---

¹ *Лобио* — фасоль, а также блюдо из фасоли.

² *Мчади* — лепешка из кукурузной муки.

³ *Сулгуни* — вид сыра.

— На что еще жалуешься, молодой человек?

— Хи-хи! — кашлянул Илико. — Еще он немного того... — И он выразительно покрутил пальцем у своего виска.

Я понял, на что он намекал.

— Да?.. А ну, сколько это? — спросил врач и поднес к моему носу растопыренную пятерню.

— Семь! — сказал я и как можно глупее улыбнулся.

— Правильно! — воскликнул врач.

Илларион от удивления выронил очки, бабушка в испуге отшатнулась. Врач вывернул мне веки, опустил, потом снова поднял, заглянул мне в глаза, с сожалением покачал головой и спросил:

— Родственников и близких узнает?

— С трудом, — вздохнул Илларион.

— Так... Кто этот человек? — спросил меня врач, указывая на Илико.

— Это не человек, это зверь! — сказал я и придал своему лицу такое идиотское выражение, какого и Илико не ожидал.

— Зурико, это же я, твой дядюшка Илико, неужели не узнаешь? — сокрушенно произнес Илико.

Я отрицательно покачал головой и скосил глаза к переносице. Бабушка закусила нижнюю губу и схватилась за голову.

— Чем лечите больного? — спросил врач.

— Виски натираем водкой.

— Принесите сюда эту водку!

Бабушка торопливо принесла бутылку с водкой.

— Подайте мне чайный стакан!

Подали. Врач наполнил стакан и начал:

— Положение ребенка весьма серьезное, боюсь, не протянет до утра. Нужно немедленно везти его в больницу на операцию!

— На какую операцию?! — вскочил я с постели.

— Придется вскрыть черепную коробку...

— Только через мой труп! — вскричала бабушка. — Ишь ты, «вскрыть черепную коробку»! Это тебе не тыква! Да что ты понимаешь в болезнях? Мальчик здоров как бык, а он — «в больницу»! Вставай, сынок, вставай, а то и впрямь он загонит тебя в могилу!

— Ну, вот и отлично! Здоров, говорите? Дай Бог и впредь всем вам здоровья! — сказал с улыбкой врач и опрокинул в рот стакан.

— А закусить? — сказал Илларион и подал ему грушу.

Врач аппетитно, с хрустом откусил грушу, потрепал меня по щеке, простился со всеми и, направляясь к выходу, сказал:

— А такого здорового мальчишки действительно во всей деревне не найдешь.

Потом он вскочил на коня, помахал рукой и ускакал...

ОХОТА

Спустя неделю после моего чудесного исцеления к нам во двор зашел Илларион. Он прилег на траву под грушевым деревом, закурил самокрутку и, сладко потягиваясь, спросил:

— Ну что, собачник, перенес операцию?

— Вам всем, конечно, начхать, а я чуть было не погиб!

— Скажи, пожалуйста! «Погиб»! А какая тебе грозила опасность? Ну, вскрыли бы твой паршивый череп и тут же бы и захлопнули. Чего копать-то в пустоте?

— Ладно, ладно... «В пустоте»... Зато ты да твой дружок Иликко — ума палата!

Помолчали.

— Что это твоей собаки не видать? — спросил Илларион, и в тот же миг, словно в ответ на его слова, раздался отчаянный собачий визг.

— Убью скотину, убью! Пропади ты пропадом, Зурукела-негодник, вместе со своей собакой! И где ты ее откопал, эту безродную тварь?! Слыханное ли дело! Сперва таскала яйца из-под наседки, а теперь принялась за цыплят!

По тропинке между изгородями, громко голоса и размахивая палкой, ковыляла соседка Ефросинэ. Перед ней, жалобно скуля и волоча заднюю ногу, бежал мой бедный Мурада.

— Держи его! — вопил из своего двора муж Ефросинэ.

— Да что ты раскричалась, баба! Что случилось?! — выскочила из дома бабушка. — Это кто же, по-твоему, безродная тварь? Наш Мурада? Да он, если хочешь знать, породистее твоего мужа и всей вашей родни!... Проваливай лучше, пока не поздно! Безродный... Да я за него с двух доек сыр отдала мельнику Симону!

Ефросинэ, которая больше всего на свете боялась бабушки, тотчас же повернула обратно, а Мурада с видом оскорбленного достоинства прилег у моих ног. Не сводя глаз с удалявшейся Ефросинэ, он жалобно повизгивал. Как только женщина скрылась за поворотом, собака умолкла.

— Здравствуй, Мурада! — поздоровался с собакой Илларион.

«Здравствуй!» — ответил про себя Мурада и приветливо вильнул хвостом.

— Ах ты, лисья порода! — улыбнулся Илларион, доставая изо рта собаки цыплячий пух. — За что тебя пробрали?

«А бог их знает, — проговорил про себя Мурада, — оставляют без присмотра цыплят на улице, а потом еще обижаются...»

— Крепко досталось тебе?

«Порядком», — ответил про себя Мурада и взглянул на ушибленную ногу.

— Не огорчайся, пройдет...

«Да не так уж и больно, как хотелось бы Ефросинэ», — улыбнулся Мурада, тряхнул ушами и стал лизать Иллариону руку.

— Что с его мордой? — спросил меня Илларион.

— Обжегся, дурак. Вчера вздумалось ему стащить со сковороды мчади, вот и угодил носом в огонь...

— Это правда, Мурада?

«Эх, на сей раз не повезло, поторопился малость», — вздохнул Мурада и облизнулся.

— Да ты, брат, не собака, а настоящее сокровище! — произнес с уважением Илларион. — Вот этот собачник, гляди, какой верзила вымахал, а все на бабушкиной шее сидит, а ты уже сам о себе заботишься. Молодец! Однако воровать все же нельзя, это ты учти! Краденый кусок впрок не идет. Вот хоть возьми нашего завскладом Датико — близок его смертный час. А какой ненасытный был, все ему мало. Теперь вот валяется в постели, как списанный товар. Слышишь?

«Слышать-то слышу, да что с того? Все воруют, а я что, Божий агнец? В конце концов, я обыкновенный пес», — возразил про себя Мурада.

— Ладно, иди к себе и не вздумай убежать со двора, не то поколочу, сукин ты сын! — сказал я и легонько пнул собаку ногой.

«Не ругайся!» — огрызнулся Мурада и, поджав хвост, побрел восвояси.

Илларион скрутил самокрутку, затянулся и сказал:

— Утром обошел я колхозные поля, побеги сои сплошь обглоданы, не иначе как зайцы шалют... Следы видел... Не мешало бы пройтись завтра утром с ружьем...

— Знаю я твоих зайцев! Прошлый раз ты тоже потащил меня, а заячьи следы оказались козьими.

— А сейчас, говорю тебе, — заячьи! Кроме того, помет заячий!

— Ну ладно, пойдем. Смотри только, как бы заячий помет тоже не оказался козьим!

— Не учи меня, сопляк! Приготовь-ка к утру ружье да захвати своего глупого пса, авось пригодится... — сказал Илларион, нахлобучил мне по самый нос фуражку и ушел.

На другое утро, чуть свет, мы пробирались сквозь высокую — по колено — росистую траву. Впереди шагал Илларион, за ним — я, за мной трусил весь мокрый, облепленный репьем Мурада.

— Вот это собака! — насмеялся Илларион. — Никак за зайцев нас принимает — по следу идет. Скажи ей, пусть бежит вперед!

— Марш вперед! — приказал я собаке.

Мурада послушно сел.

— Устал пес. Может, и нам отдохнуть и перекусить чего-нибудь, а? — спросил Илларион и опустился на землю.

— Что ж, отдохнем, — согласился я и уселся рядом.

Илларион извлек из сумки вареную курицу, мчади, молодой сыр, бутылку виноградной водки и разложил все это на большом круглом камне. Я, со своей стороны, прибавил к столу пхали¹ из крапивы, лобио, вареную картошку, соль. И пиршество началось.

— Смотри, Илларион, не чавкай громко, зайцев распугаешь! — предупредил я.

— Ты над кем смеешься, урод? Зайцев здесь хоть пруд пруди, только искать их нужно с головой! — рассердился Илларион.

Он наполнил стакан водкой и, произнеся обычное «будем здоровы», осушил его.

— Будем здоровы! — сказал я и тоже выпил.

— Закуси чем-нибудь, сгоришь!

— Подумаешь! Не видал я сивухи!

— Мерзавец! Сивуху поищи у своей бабушки!.. Ну, давай по второй!

— Давай! — охотно согласился я, выпил и вдруг развеселился. — Ну и пробирает! Бьет прямо в почки!

— Еще бы — чистая чача!²

— Выпьем по третьей, — предложил я.

— Выпьем!

Илларион быстро опрокинул в рот стакан и достал кисет с табаком.

---

¹ *Пхали* — национальное блюдо из мелко нарезанных отварных листьев капусты (шината, крапивы), перемешанных с пряными специями.

² Игра слов: *чача* по-грузински и «почка», и «виноградная водка».

— На вот, возьми мой кисет, табак у меня знатный: стамбульский! — сказал я, протягивая полный кисет.

Илларион взял кисет, понюхал табак, подозрительно взглянул на меня, но все же скрутил козью ножку, зажег, затащил и... опрокинулся на спину.

— Что с тобой, Илларион?! — кинулся я к нему.

Илларион лежал побледневший, с закатывшимися глазами и молчал.

— Мурада, скорей воды! — крикнул я.

Илларион отрицательно покачал головой, медленно приподнялся, долго смотрел на меня покрасневшими глазами, потом глубоко вздохнул и спросил голосом приговоренного:

— Откуда у тебя этот табак?

— Илико подарил. А что?

Илларион наполнил стакан, смахнул слезу, потом простер руку к небу и медленно, торжественно произнес:

— Боже всеильный, покарай всех жуликов и подлецов на свете! Ниспошли на Илико Чигогидзе кару, чтобы корчился он в адских муках и некому было бы подать ему руку помощи, кроме меня! Аминь!

— В чем дело, дядя Илларион?!

— К табаку примешан перец!

— Ну, тогда выпьем по четвертой, и пусть Бог накажет Илико! — сказал я, выпил, и вдруг мне захотелось поцеловать длинный нос Иллариона.

— Дядюшка Илларион, дорогой мой, ты лучше всех на свете! Если б ты знал, как я тебя люблю! У тебя длинный нос и доброе сердце. Если бы не ты, мне б вообще незачем жить на этом свете. Поверь мне, дядюшка Илларион! Дай-ка я тебя поцелую!

— Ну, говоря откровенно, Зурико, дорогой, другого такого мальчика, как ты, и свет не рожал! Это пустяки, что я старше тебя на тридцать лет! Был я твоим ровесником? Был. Будешь ты моим ровесником? Будешь. Спрашивается, какая между нами разница? Никакой. Разве имеет значение, у кого больше волос на голове? Не имеет. Мы друзья! А потому — выпьем...

...Средь друзей хожу печальный,
Я, Симона, эх, Долидзе...¹ —

затянул я песню.

¹ Из популярной грузинской песни о народном герое Симоне Долидзе.

— Как это — «печальный»? Что тебя печалит, дорогой? В школе обижают, да? Так вот, запомни мое слово — спалю я вашу проклятую школу! Или, может, враг у тебя завелся? Ты только скажи мне, кто он!

И Илларион потряс ружьем.

— Давай, пли, Илларион! Пусть узнает весь мир, арго мы — это мы! Ау-у-у!..

Илларион спустил оба курка, ружье громынуло, эхо, словно пташка в клетке, долго бросалось от горы к горе, потом, найдя выход, выпорхнуло и умчалось куда-то...

...Я проснулся от холода, протер глаза и огляделся. По-видимому, Мурада давно закончил завтрак, убрал все со стола и куда-то ушел...

Я разбудил Иллариона.

— Не стой над головой, точно стражник! — огрызнулся он. — И убери, ради бога, ружье, еще выстрелишь, чего доброго, тогда берегись, расквашу твой дурацкий нос!

— Пройдусь немного, может, зайца встречу...

— Иди, иди... будешь стрелять — не забудь закрыть левый глаз! — крикнул мне вдогонку Илларион.

Не успел я сделать и десятка шагов, как услышал отчаянную ругань Иллариона:

— Вай, чтоб ты околела, паршивая! Дерьмо ты, а не собака! Лаять, что ли, тебе лень, ублюдок несчастный?!

— Что случилось, Илларион? — подбежал я с ружьем наготове.

— Вот, полюбуйся, пожалуйста, — сказал он, протягивая ладонь. На ней чернело несколько зернышек заячьего помета.

— Совсем еще теплые, понимаешь? — простонал Илларион и стал яростно давить пальцем зернышки. — Заяц только что был здесь, а твой проклятый пес и не учуял его!

— Где ты их подобрал?

— Да говорю же тебе, вот тут, рядом, в двух шагах! Ну-ка, живо, заходи сверху, а я подкараулю здесь! Заяц не мог уйти далеко!

Я взвел курок и медленно двинулся вверх по косогору. Вскоре я увидел обципаные побеги сои и заячьи следы. Они вели к большому кусту орешника. Я несколько раз обошел куст, потом сильно пнул его ногой. Вдруг из куста выскочил заяц — настоящий заяц, длинноухий, косой, с белой полоской на спине.

— Держи! — взвизгнул я, словно ошпаренный, и выстрелил.

Заяц, смешно пригнув уши, стрелой помчался вниз.

— Илларион, не отпускай его! — орал я.

— Я здесь, не бойся!

На минуту воцарилась гробовая тишина. Затем я услышал щелканье курка, потом Илларион громко сплюнул, потом что-то плюхнулось, раздались проклятия, стоны, вздохи и потом вдруг:

— Держи, держи, Зурикела, он бежит к тебе!

Я присел и скинул ружье... Неожиданно где-то внизу бабахнул выстрел, другой, и в тот же миг раздался душераздирающий собачий визг. В глазах у меня потемнело, ноги подкосились, и я без звука опустил на землю...

— Мурада, дорогой, взгляни на меня! — Я поцеловал своего верного пса и горько зарыдал.

— Не плачь, сынок, возьми себя в руки, — сказал Илларион, смахивая слезу.

Мурада приоткрыл глаза и взглянул на нас.

Плакали все трое — я, Илларион и Мурада.

— Тебе больно, Мурада?

«Очень», — вздохнул бедный пес.

— Эх, почему у меня не отсохнут руки и не ослепнут глаза! — воскликнул Илларион.

«Ладно уж, Илларион, не убивайся... Не нарочно ведь — спяна... Кроме того, знаю же я нрав твоего ружья — из него выстрелишь во врага, угодишь в друга... Помнишь, точно так же ты подстрелил свою собаку... Так что не стоит сокрушаться... Я на тебя не в обиде... Одно досадно: Ефросинэ будет рада! А впрочем, бог с ней, пусть радуется...» Сказав все это про себя, Мурада ласково потерся мордой о колено Иллариона.

— И он должен псом называться, а Илико — человеком! Где же тут справедливость? — вздохнул Илларион.

— Мурада, крепись, дружище! Потерпи немного! — нагнулся я к Мураде.

«Ну нет, брат, плохи мои дела... Как это у вас говорится? „Заживет, как на собаке“! А я вот умираю... Умираю, Зурикела...»

— Крепись, крепись, Мурада. Будь до конца мужественной собакой, — упрашивал Илларион.

«Вам, людям, горя мало: умрете — похоронят, оплачат. А кто нас хоронит? Никто. Если и зароят нашего брата, опять-таки потому, чтобы трупы наши не воняли...» По телу Мурады пробежала дрожь.

— Илларион, на помощь, Мурада умирает! — закричал я.

«Прощайте...» — Мурада в последний раз взглянул на меня, закрыл глаза и застыл.

— Кончился, чтоб отсохли мои руки, — тихо произнес Илларион и вытер рукавом слезы...

...Вопли и причитания бабушки всполошили все село. Примчались перепуганные соседи. Узнав, в чем дело, они возмутились:

— Вы что, люди, с ума посходили? Слыханное ли дело — поднимать такой шум из-за дохлого пса?! Что за ненормальная семья! И разошлись...

Илларион весь день ходил, словно убийца перед казнью. Под вечер он подозвал меня и сказал:

— Должны похоронить. Вон там, под чинарой!

Вдвоем мы выкопали яму и торжественно предали земле останки нашего погибшего друга. Потом я выпросил у бабушки кувшин вина, и мы справили на могиле Мурады поминки.

Первый тост произнес Илларион:

— Зурико, сынок мой, — начал он, — безутешное горе привело нас сегодня сюда, к этой могиле. Из наших рядов ушел наш любимый друг и товарищ Мурада. Он всегда был верен нам, как собака, и если на том свете существует собачий рай, то врата его открыты для Мурады. Светлая память о нем всегда будет жить в наших сердцах. За упокой души Мурады! Выпьем!

— Благодарю тебя, Илларион... Выпьем!

— Вторым стаканом я хочу выпить за здоровье близких и родственников покойного. Желаю тебе счастья, благополучия и чтобы это горе было последним в твоей семье!

— Спасибо, Илларион!

...Во двор воровато прокралась черная собака. Она несколько раз обошла могилку Мурады, потом уселась поодаль и жалобно завывала.

— Плакальщики пришли, — сказал Илларион.

— Это собака Симона-мельника, мать Мурады, — сказал я.

— Господи помилуй! Поди сюда, собака!

Собака приблизилась к Иллариону. Он бросил ей кусочек мяса. Собака отвернулась и легла на землю.

— Собака, а ведь тоже чувствует! — сказал я.

— За родителей Мурады! Будь здорова, собака! Это я, окаянный, взял грех на душу! — сказал Илларион и выпил. Выпил и я.

Во двор по очереди, одна за другой, вошли еще четыре собаки.

— Гляди, вот собака Асало... Эта — Датико... Вон та — Деспинэ... Эта — Маки... А где же головастый пес Матрены? Почему он не пришел? — спросил Илларион.

— Он был в ссоре с Мурадой. В прошлом году я стравил их, и Мурада больно его искусал, — ответил я.

— И он решил сейчас свести счеты? Плевал я на такую собаку! Нет у нее ни чести, ни совести! Тьфу!

— Хозяин! — послышалось у калитки.

— Кто там?

— Можно к вам?

— Пожалуйста!

Во двор вошел семилетний мальчуган — сын Махаре Гогичайшвили.

— В чем дело, сынок? — спросил Илларион.

— Телеграмма на ваше имя!

— Покажи!

Мальчик протянул телеграмму. Илларион не спеша достал из кармана очки, тщательно протер их платком, водрузил на нос и начал читать.

«Молния. Зурикеле-собачнику и Иллариону Носотому. Примите мое глубокое соболезнование по поводу трагической гибели дорогого Мурады. Вместе с вами горько оплакиваю эту утрату. Горе мое безгранично, не знаю, переживу ли. Скорблю, что не могу присутствовать лично. Не знаю, как утешить вас. Будь вы неладны оба, гореохотники, олухи царя небесного! Когда еще раз соберетесь устроить охоту на собак, непременно захватите меня с собой. Целую обоих в лоб.

Ваш скорбящий друг».

— Без подписи! — сказал Илларион. — От кого бы это, а? Поди сюда, сынок, — обратился он к мальчику. — Иди, иди, не бойся!

Мальчик подошел. Илларион так схватил его за ухо, что мальчишка завопил, как гудок чайной фабрики.

— Говори, кто дал телеграмму?

— Не скажу, убьет!

— Не скажешь? Тогда я убью тебя! Выбирай! — сказал Илларион, и гудок завыл с новой силой.

— Илико Чигогидзе дал три рубля, велел отнести телеграмму и молчать, не то язык вырвет.

— Илико, говоришь?

— Илико.

Илларион отпустил мальчика и кулаком ударил себя в грудь:

— Ну, погоди же, кривой черт! Ты у меня еще попляшешь!..

Мне искренне стало жаль Илико.

Наступила ночь, обыкновенная сельская ночь. И все вокруг было мирно и спокойно, словно в тот день никто в нашей семье не умирал...

КРОВЬ ЗА КРОВЬ

Нынешний учебный год я опять закончил с переэкзаменовкой по русскому языку. Два раза в неделю я ходил заниматься на дом к преподавательнице. Вознаграждение за труды выплачивалось натурой: полпуда лобио, четыре головки сыра и пуд вина с нового урожая. По сравнению с прошлым годом дань выглядела ничтожной — в прошлом году у меня были две переэкзаменовки.

Мой учебный день начинался так:

— Вставай, вставай, бездельник! Хватит тебе валяться! Опоздаешь! — доносился со двора голос бабушки. Я тотчас же вскакивал, несколько раз пробежал по комнате, громко стуча ботинками; с грохотом передвигал стулья, затем на цыпочках возвращался к кровати, забирался под простыню и продолжал прерванный сон. Окончательное пробуждение наступало в момент, когда вместе с ушатом холодной воды на мою грешную голову обрушивались громы и молнии, исторгаемые бабушкой:

— В кого только ты уродился этакий бездельник и непутевый?! Чтоб ты провалился сквозь землю, бессовестный ты человек!

— Ну что тебе от меня нужно?

— Смерти твоей, мерзавец! Похоронила бы тебя рядом с Мурадой и оплакивала бы по-русски. Да, по-русски, болван! Что, не научилась бы? Вся Россия по-русски говорит, а ты что за тупица такой? Ну, назови мне кого-нибудь в нашей семье, кроме тебя, чтоб русского не знал?! Эх, бедный твой дед! Семь лет прожил в России и выучил русский язык лучше самого начальника почты Ивана.

— Што ви гаварице! — удивлялся я.

— Да, да, не таращ, пожалуйста, глаза! Два часа покойный говорил с Иваном, два часа слушал его Иван с разинутым ртом, а потом повернулся к народу и сказал, что подобной русской речи он в жизни своей не слышал. Вот как оно было!

— Нэ может биц! — опять удивлялся я, после чего следовали знакомый свист хворостинки и мое поспешное бегство по направлению к дому учительницы.

Думбадзе Н.

Д 82 Я, бабушка, Илико и Илларион : романы, повести, рассказы / Нодар Думбадзе ; пер. с груз. З. Ахвледиани, К. М. Коринтэли. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2024. — 992 с. — (Иностранная литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-24343-9

Нодар Думбадзе (1928–1984) — самый известный грузинский писатель, его произведения переведены на девяносто шесть языков мира. Проза Нодара Думбадзе исполнена любви к простым человеческим ценностям, его герои, беззаветно влюбленные в жизнь, кажется, могли появиться на свет лишь в теплой Грузии, где даже незрячий человек, если верить автору, способен увидеть солнце. Несмотря на то что Нодар Думбадзе был широко известен по всему Советскому Союзу, большинство его произведений давно не выходили на русском языке. Настоящее издание стремится исправить это досадное упущение — в том вошли знаменитые романы, повести и рассказы классика грузинской литературы, включая самую известную повесть «Я, бабушка, Илико и Илларион». В ней рассказана история взросления мальчика в грузинском селе в годы Великой Отечественной войны. Кажется, здесь нашли отражение все самые характерные черты прозы Нодара Думбадзе: тонкий юмор, гротеск, колоритный быт, боль и ужас войны... Но, пожалуй, самый незабываемый персонаж этой повести — суровая бабушка Ольга, которая умеет ругаться, как никакая другая женщина в Грузии. Однако главному герою не страшны ее проклятия, ведь однажды бабушка выдала свою тайну: «Уста мои проклинают, а сердце благословляет тебя...»

УДК 821.353.1
ББК 84(5Гру)-44

Литературно-художественное издание

НОДАР ВЛАДИМИРОВИЧ ДУМБАДЗЕ
Я, БАБУШКА, ИЛИКО
И ИЛЛАРИОН

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Ульяна Смирнова, Лариса Дорохина,
Алиса Черникова, Юлия Теплова

Подписано в печать 01.11.2023. Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 60,76.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» –
обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА®
115093, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге

191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Y-TLN-33306-01-R